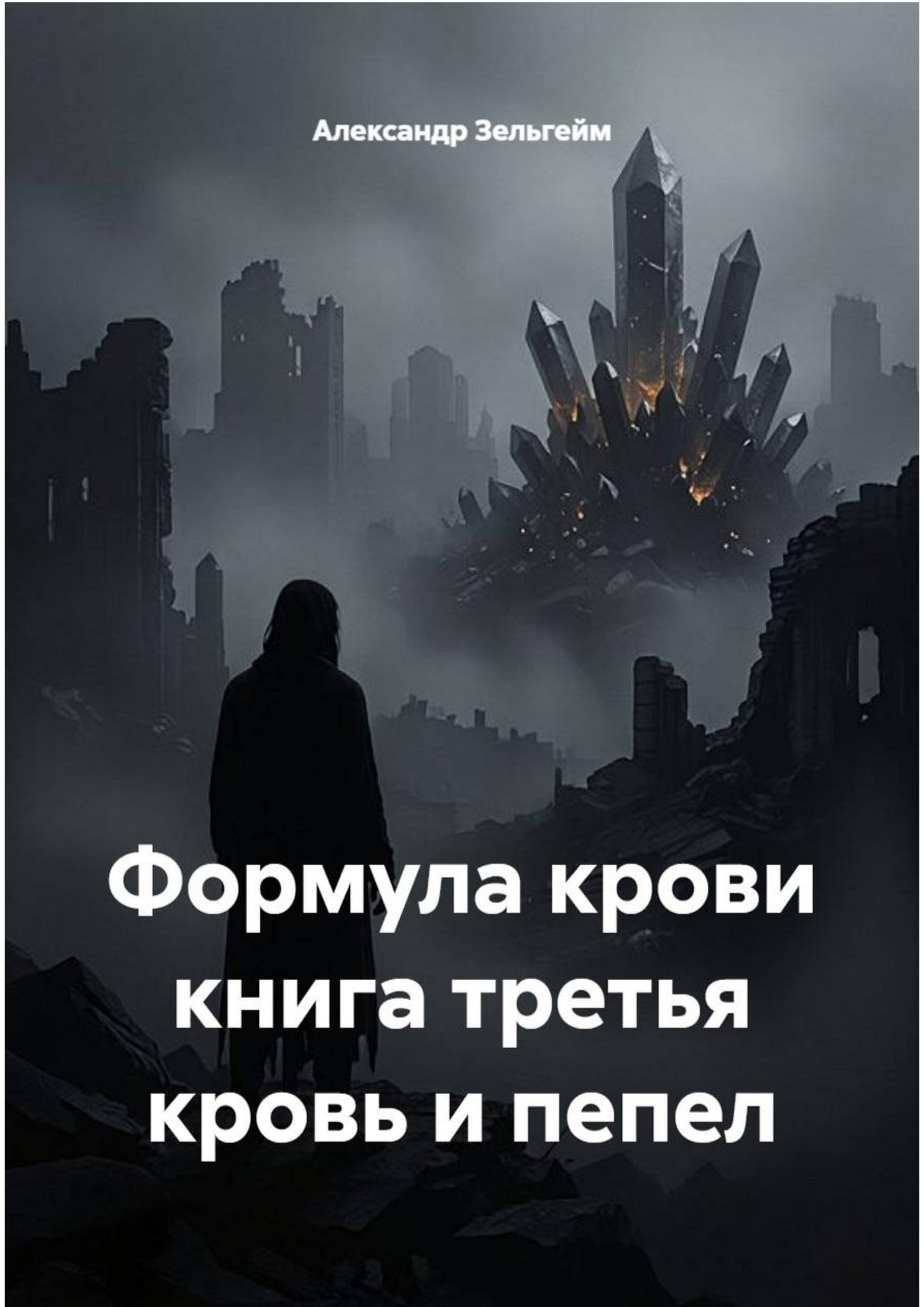

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. In the foreground, a person in a dark coat stands with their back to the viewer, looking out over a desolate, ruined city. In the distance, a massive, jagged crystalline structure rises from the ruins, glowing with an orange and yellow light. The sky is a heavy, dark grey.

Александр Зельгейм

Формула крови
книга третья
кровь и пепел

Александр Зельгейм

**Формула крови книга
третья кровь и пепел**

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Формула крови книга третья кровь и пепел / А. Зельгейм —
«Автор», 2026

Варнава не побеждён. Он стал тенью Застенья — и нашёл способ вернуться. Его цель — Белогорье. Его оружие — тьма, которая уже просачивается в город, гасит кристаллы и лишает людей воли. Ратибор и Ратмир думали, что победили. Но теперь им предстоит самое трудное: остановить того, кто был запечатан, но не уничтожен. Варнава даёт им три дня. Три дня, чтобы отдать брата. Три дня, чтобы предать или спасти. А в сером тумане Застенья их ждёт мать — Агафья. Она жива. Она хранительница. И она — ключ к спасению. Но чтобы вытащить её, Ратибору придётся принять свою двойственную природу, а Ратмиру — пробудить силу, о которой он не знал. Шелест и Клещ — ворон и паук — снова в центре бури. Они видят то, что не видят люди. Они помнят то, что забыли другие. Финальная битва близка. Кровь и пепел. Тьма и свет. Братья должны решить: кто они — маги и алхимики, враги или семья? И смогут ли они спасти город, не потеряв друг друга? Завершение трилогии «Наследие Громовых».

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Александр Зельгейм

Формула крови книга третья кровь и пепел

ПРОЛОГ. ТЕНЬ, КОТОРАЯ ЖДАЛА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РЫНОК

Белогорье, двадцать шесть лет назад. Весна.

Рынок «Пядь» пах весной. Не цветами — теми нежными, которые распускаются в садах знати. Другими. Землёй, которая оттаивает после долгой зимы. Мокрой корой. Первой травой, пробивающейся сквозь грязь. Сладким дымом от пекарен. И травами — сушёными, растёртыми, развешанными пучками под навесами.

Варнава не любил рынки. Слишком много людей. Слишком много шума. Слишком много грязи. Он привык к мрамору Кремля, к тишине библиотек, к запаху ладана и старого пергамента. Но сегодня он был здесь. Потому что ему нужно было купить травы. Для зелья. Для магистрата. Для отчёта.

Он шёл между лотками, и люди расступались. Не из уважения — из страха. Он был молодым старейшиной Первого Круга. Самым молодым в истории. Его лицо знали все. Его боялись все. И он наслаждался этим.

Он остановился у лотка с травами. Не потому, что ему нужны были травы. Просто остановился. И тогда он увидел её.

Она стояла за прилавком. Невысокая. Светлые волосы, заплетённые в косу. Простое платье — серое, с заплаткой на локте. Руки — в земле, в соке трав, в мелких царапинах. Она смеялась. Не ему — кому-то другому. Мальчишке, который уронил корзину с яблоками. Она смеялась, и её смех был звонким. Как колокольчик. Как ручей. Как что-то, что Варнава никогда не слышал.

Он замер. Он смотрел на неё. И чувствовал — впервые за долгое время — что-то. Что-то тёплое. Что-то живое. Что-то, что он давно похоронил в себе.

Он подошёл. Ближе. Она заметила его. Улыбнулась — вежливо, но без интереса. Как улыбаются незнакомцу.

— Что вам нужно? — спросила она.

Голос был тихим. Спокойным. Без страха. Она не боялась его. Это было странно. Это было ново. Это было... приятно.

— Мяту, — сказал он. Первое, что пришло в голову.

Она кивнула. Отвернулась. Начала перебирать пучки. Он смотрел на её руки. На то, как она двигается. Плавно. Уверенно. Как она берёт травы. Как вдыхает их запах. Как улыбается — не ему, травам.

— Вот, — сказала она, протягивая пучок. — Свежая. Собрана вчера.

Он взял. Их пальцы соприкоснулись. Её кожа была тёплой. Шершавой. Пахла полыньёю и мёдом. Он хотел задержать руку. Но не стал. Не сейчас.

— Сколько? — спросил он.

— Гривна.

Он заплатил. Больше, чем нужно. Она посмотрела на монету. Затем — на него. В её глазах мелькнуло что-то. Не благодарность. Подозрение.

— Сдачи нет, — сказала она.

— Не нужно.

Он развернулся. Пошёл прочь. Но остановился. Обернулся.

— Как тебя зовут?

Она смотрела на него долго. Так долго, что он успел почувствовать, как что-то сжимается в груди. Как будто сердце — впервые за много лет — начало биться.

— Агафья, — сказала она.

Он кивнул. Запомнил. И пошёл дальше. Но с этого дня он стал приходить каждый день.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ОТКАЗ

Белогорье, двадцать пять лет назад. Лето.

Он приходил каждый день. Покупал травы, которые ему были не нужны. Задавал вопросы, на которые знал ответы. Слушал её голос. Смотрел на её руки. Ждал, когда она улыбнётся — ему, не травам.

Она терпела. Вежливо. Спокойно. Но без интереса. Он видел это. Знал это. Но не мог остановиться.

— Зачем ты приходишь? — спросила она однажды.

Он замер. Пучок мяты в его руке задрожал.

— Я...

— Ты не лечишься травами, — сказала она. — Ты не готовишь зелья. Ты просто тратишь моё время.

Он молчал. Долго. Так долго, что она успела отвернуться. Начать перебирать травы. Забыть о нём.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — сказал он.

Она замерла. Медленно повернулась. Посмотрела на него. Долго. Так долго, что он успел почувствовать надежду. Что-то тёплое. Что-то живое.

— Я не люблю тебя, — сказала она. — И не люблю.

Он не двинулся. Не закричал. Не упал на колени. Просто стоял. Смотрел. И чувствовал, как что-то внутри — что-то, что он только начал отогревать, — снова замерзает. Превращается в лёд. В камень. В ненависть.

— Почему? — спросил он. Голос был ровным. Слишком ровным.

— Потому что ты смотришь на меня, как на вещь, — сказала она. — Как на трофей. А я не трофей.

Она развернулась. Ушла. Он остался. Один. С пучком мяты в руке. С осколками чего-то тёплого внутри.

А потом он увидел Буяна. Молодой алхимик. Растрёпанный. В прожжённом фартуке. С лицом, перемазанным сажей. Он шёл к ларьку Агафьи. Улыбался. Нёс какой-то свёрток — пирог? цветы? — и она улыбнулась ему в ответ. Той самой улыбкой, которую Варнава хотел видеть только для себя.

Он понял. Понял, что проиграл. И не простил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ПАДЕНИЕ

Белогорье, двадцать лет назад. Осень.

Варнава стоял в тени старого дуба. Он смотрел на дом Буяна. Смотрел, как в окнах горит свет. Как Агафья ходит по комнатам. Как она улыбается. Как она смеётся. Как она живёт. Без него. С другим.

Он ждал. Долго. Часы. Пока свет не погас. Пока все не уснули. Пока город не затих. И тогда он вышел из тени.

Он открыл портал в Застенье. Не сам — с помощью посоха. Посох был старым. Тёмным. С кристаллом на конце. Кристалл пульсировал. Как живое сердце. Как рана, которая не заживает.

Агафья проснулась от холода. Не от обычного — от того, который идёт изнутри. Она открыла глаза. Увидела его. И не испугалась.

— Ты, — сказала она. — Я знала, что ты придёшь.

— Ты могла бы быть счастлива, — сказал он. — Со мной. Я дал бы тебе всё.

— Ты дал бы мне клетку, — ответила она. — Золотую. Но клетку.

Он ударил. Не рукой — магией. Она упала. Он подхватил её. Поташил к portalу. Она кричала. Протягивала руки. Он смотрел на неё и улыбался.

— Прощай, — сказал он.

И столкнул её в серую пустоту.

Потом был Буян. Буян, который пытался её вытащить. Буян, который почти успел. Буян, который отказался отдать формулу. Буян, который умер с улыбкой. С улыбкой. Как будто он знал что-то, чего не знал Варнава. Как будто он победил. Как будто он был счастлив.

Варнава убил его руками Милована. Но это было неважно. Он заказал. Он хотел. Он получил.

Он вернулся в Кремль. Сел на трон. Посмотрел на город. И почувствовал — впервые за много лет — что-то. Что-то холодное. Что-то тёмное. Что-то, что он принял за власть. Но это была не власть. Это была пустота. Это была тень.

Он не знал тогда, что эта тень вернётся. Что она будет ждать его в Застенье. Что она станет его тюрьмой. Что он будет сидеть на камне. И вспоминать. Всё. Каждое мгновение. Каждую ошибку. Каждую боль.

Он не знал. Но он чувствовал. Чувствовал, что что-то не так. Что-то не закончено. Что-то ждёт. И он ждал. Вместе с ним.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. УТРО ПОСЛЕ БУРИ

Белогорье просыпалось медленно. Не потому, что не хотело — потому что не могло. Что-то давило на город. Что-то тяжёлое. Что-то, что не имело имени.

Туман лежал на крышах. Не двигался. Не дышал. Просто лежал — серый, плотный, как мокрое одеяло. Он не рассеивался с рассветом, как обычный туман. Он ждал. Ратибор чувствовал это. Каждой клеткой. Каждым нервом.

Он стоял у окна своей комнаты в Кремле. Руки — на подоконнике. Пальцы — на холодном камне. Он смотрел на город, который знал наизусть. На крыши, которые помнил с детства. На улицы, по которым бегал мальчишкой. И не узнавал.

Улицы были пустыми. Не безлюдными. Пустыми. Разница была в том, что даже когда на улицах никого не было, город жил. Скрипели ставни. Лаяли собаки. Где-то плакал ребёнок. Где-то ругались соседи. Где-то пахло свежим хлебом из пекарни на углу — той самой, где старуха Марфа пекла расстегаи с грибами.

Сейчас ничего этого не было. Только тишина. Густая. Липкая. Как сироп. Как кровь, которая слишком долго стояла на воздухе.

Люди ходили медленно. Не как обычно — не торопясь, но живя. А как во сне. Как будто кто-то выпил их изнутри. Оставил только оболочки. Они не разговаривали. Не смотрели друг на друга. Они просто шли — по одному, по двое, — и их лица были пустыми. Как чистые листы. Как стёртые доски.

Ратибор провёл рукой по плечу. Там, где ещё недавно была рана. Кинжал Любомира прошёл навывлет — он помнил это. Помнил, как металл вошёл в плоть. Как кровь хлынула по руке. Как Зоряна промыла рану травами — пахло полынью и мёдом, — а Ратмир залил её алхимическим бальзамом. Рана затянулась. Но боль осталась. Не физическая. Другая. Та, которая не проходит. Та, которая живёт где-то между сердцем и горлом. Та, которая напоминает о себе каждый раз, когда ты думаешь, что всё закончилось.

Шелест сидел на подоконнике. Ворон не спал. Он чистил перья — медленно, задумчиво. Его перья были взъерошены, а под глазами — если у воронов бывают круги под глазами — залегли тени. Он тоже не спал. Он тоже думал.

— Ты чувствуешь? — спросил Ратибор.

Шелест каркнул. Тихо. Не как обычно — громко, насмешливо, с вызовом. А тихо. Почти шёпотом. Как будто боялся, что кто-то услышит.

«Чувствую. Что-то не так. Что-то в воздухе. Как будто гроза собирается, но не может прорваться».

— Это Варнава, — сказал Ратибор.

Шелест повернул голову. Посмотрел на него. В его глазах была древняя усталость.

«Варнава. Он не исчез. Он ждёт».

— Ждёт. Но не бездействует. Он ищет выход. И он найдёт.

Ратибор отвернулся от окна. Он подошёл к столу. Тяжёлому. Дубовому. С трещинами, которые он знал наизусть — потому что сидел за этим столом много ночей. На столе лежали документы. Те самые. Приказ Варнавы — пожелтевший пергамент с алмазной печатью. Переписка с Милованом — мелкий, убористый почерк. Карта Застенья — старая, с потёртыми краями, с линиями, которые, казалось, двигались, если смотреть слишком долго.

Он провёл пальцами по приказу. Бумага была холодной. Как лёд. Как смерть. Как всё, к чему прикасался Варнава.

— Сегодня, — сказал он. — Сегодня Совет узнает правду.

Шелест каркнул. «А если они не поверят?»

— Поверят. У нас есть доказательства. У нас есть свидетели. У нас есть правда.

«Правда — это не всегда то, что нужно людям. Иногда им нужен удобный враг».

Ратибор посмотрел на ворона. В его глазах была решимость. И что-то ещё — что-то, что Шелест видел раньше. У Буяна. В тот день, когда он решил бросить вызов Варнаве. Решимость, которая граничила с отчаянием.

— Тогда мы дадим им настоящего врага, — сказал Ратибор. — Варнаву. Он убийца. Он предатель. Он заслужил то, что с ним случилось.

Шелест кивнул. «Тогда идём. Совет ждёт».

Ратибор взял папку. Шелест перелетел ему на плечо. И они вышли в коридор.

Коридоры Кремля были пустынными. Только стража стояла у дверей — молчаливая, неподвижная, как статуи. Ратибор шёл мимо них, и каждый его шаг отдавался эхом в гулкой тишине. Он чувствовал на себе взгляды. Он знал, что о нём говорят. Он знал, что его боятся. Или ненавидят. Или и то, и другое.

Он не обращал внимания. Он шёл вперёд.

У входа в зал Совета его встретил Ратмир. Брат выглядел усталым — тёмные круги под глазами, растрёпанные волосы, прожжённый фартук. Но в его глазах горел тот самый огонь, который Ратибор знал с детства. Огонь, который означал: «Я готов. Я пойду с тобой. До конца».

— Готов? — спросил Ратмир.

— Нет, — ответил Ратибор честно. — Но это не важно.

— Важно, — сказал Ратмир. — Если ты не готов — мы проиграем.

— Мы не проиграем. Потому что мы вместе.

Ратмир улыбнулся — той самой улыбкой, которую Ратибор ненавидел и любил одновременно. Улыбкой, которая говорила: «Ты дурак, но я всё равно тебя люблю».

— Тогда идём, — сказал он. — Покажем им, на что мы способны.

Они вошли в зал.

ГЛАВА ПЯТАЯ. СОВЕТ

Зал Совета встретил их гулкой тишиной. Тридцать магов Первого Круга сидели на скамьях. Их лица были холодны, как камень. В центре, за столом из чёрного дуба, сидели двое —

Гордей и Любомир. Оба — старики с длинными седыми бородами и глазами, которые видели слишком много, чтобы чему-то удивляться.

Ратибор вошёл первым. Ратмир — за ним, держась чуть позади. На плече Ратибора сидел Шелест, на плече Ратмира — Клещ. Это было не просто так: вороны и пауки в зале Совета считались дурным знаком, и братья знали это. Но им было плевать.

Воздух в зале был тяжёлым. Пахло ладаном — густым, сладковатым, приторным. И ещё чем-то — старым пергаментом, чернилами, пылью. Ратибор чувствовал, как этот запах оседает на языке. Как горькая пилюля. Как что-то, что нельзя проглотить.

— Мы пришли с правдой, — сказал Ратибор, кланяясь. — О Варнаве. О моём отце. О Застенье.

Гордей поднял руку. Тишина стала ещё гуще — если это было возможно.

— Говори, — сказал он. — Но помни: каждое твоё слово будет проверено.

Ратибор вытащил папку с документами и положил на стол. Пергамент шлёпнулся о дубовую поверхность — звук был резким, как удар хлыста. Затем развернул карту Застенья. Затем — письмо, которое написал ночью. Чернила ещё не совсем высохли — он видел, как буквы блестят в свете кристаллов.

— Варнава заказал убийство моего отца, — сказал он. — Вот приказ, подписанный его рукой. Вот переписка с Милованом. Вот карта Застенья, где Варнава столкнул мою мать двадцать лет назад.

Зал замер. Гордей взял приказ, пробежал глазами. Его лицо не изменилось. Но пальцы — Ратибор видел это — чуть дрогнули.

— Это может быть подделка, — сказал Гордей.

— Это не подделка, — ответил Ратибор. — Проверьте печать. Проверьте подпись. Проверьте всё.

Любомир взял карту. Долго смотрел на неё, водил пальцем по линиям. Его палец остановился на одной из пометок — маленьком крестике в центре пещеры. Он замер. Затем поднял глаза на Ратибора.

— Где Варнава?

— В Застенье, — ответил Ратибор. — Я запечатал его там. Он больше не вернётся.

— Ты убил старейшину? — голос Гордея стал холодным. Как лёд. Как зима.

— Нет, — ответил Ратибор. — Я его остановил. Есть разница.

Зал снова замер. Ратмир чувствовал, как напряжение растёт, как воздух становится тяжёлым. Он слышал, как кто-то из магов скрипнул зубами. Как кто-то другой — тихо, почти неслышно — прошептал проклятие.

Он шагнул вперёд.

— Слушайте, — сказал он. — Мы не просим вас поверить нам на слово. Мы просим проверить. У вас есть архивы. У вас есть маги, которые умеют читать следы. Проверьте. А потом судите.

Гордей смотрел на него долго. Так долго, что Ратмир успел почувствовать, как пот стекает по спине. Как Клещ вцепился в его плечо — сильнее, чем обычно. Как Шелест замер на плече Ратибора — не дыша.

Затем Гордей кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Мы проверим. Но пока проверка идёт — вы останетесь под стражей.

— Под стражей? — Ратмир вскинул бровь. — Это обязательно?

— Обязательно, — ответил Гордей. — Или вы отказываетесь?

Ратибор положил руку на плечо брата. Тёплую. Тяжёлую. Успокаивающую.

— Мы согласны, — сказал он.

Ратмир посмотрел на него. Затем вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Но я хочу нормальную еду. Не ту баланду, которой вы кормите заключённых.

Гордей не улыбнулся. Но что-то в его глазах мелькнуло — возможно, уважение. Возможно, усталость. Возможно, просто отблеск кристаллов.

— Вас проводят, — сказал он.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. КАМЕРА

Стражник вёл их по коридору долго. Так долго, что Ратмир успел сосчитать трещины на каменных плитах — семнадцать больших, двадцать три маленьких, и одна, самая длинная, походила на реку, которую он видел в детстве, когда отец возил его на север за редкими реагентами. Река замерзала тогда рано. Лёд был серый, как это утро.

Клещ сидел у него на плече и молчал. Паук не любил замкнутые пространства. Его лапки чуть подрагивали — металл о камень, металл о камень, — и Ратмир поймал себя на том, что шагает в такт этому постукиванию.

— Не нервничай, — шепнул он.

Клещ защёлкал один раз. Коротко. «Я не нервничаю. Это ты нервничаешь».

— Я не нервничаю, — соврал Ратмир.

Шелест, сидевший на плече Ратибора, скосил на него глаз. Ворон ничего не сказал. Но в этом взгляде было столько сарказма, что Ратмир почувствовал, как уши начинают гореть.

Стражник остановился у тяжёлой дубовой двери, окованной железом. Замок щёлкнул — громко, как выстрел. Дверь открылась.

— Здесь, — сказал стражник.

Комната оказалась не темницей. Ратмир ожидал сырых стен, соломы на полу, крыс. Но здесь были кровать — узкая, но с одеялом. Стол. Два стула. Окно с решёткой, за которым угадывался двор Кремля. Пахло пылью и старым деревом. И ещё чем-то — слабым, почти неуловимым. Лавандой? Нет. Ромашкой. Как в детстве, когда мать клала пучки трав под подушку, чтобы лучше спалось.

Ратмир шагнул внутрь. Клещ перебрался с плеча на стол и начал исследовать — медленно, методично, ощупывая лапками каждую трещину в дереве.

— Я думал, будет хуже, — сказал Ратмир.

— Хуже будет, — ответил Ратибор.

Он стоял у окна. Не смотрел на брата. Просто стоял — вытянутый, напряжённый, как струна. Пальцы правой руки сжимали подоконник так, что костяшки побелели.

Шелест слетел с его плеча на спинку стула. Ворон не чистил перья. Не ворчал. Просто сидел — и смотрел на дверь.

Ратмир подошёл. Встал рядом. Не тронул. Просто рядом.

— Ты как? — спросил он тихо.

Ратибор молчал. Долго. Так долго, что Ратмир успел услышать, как за окном прокричал петух — где-то далеко, в Нижнем городе. Как звякнуло ведро о колодец. Как женщина — неразборчиво, но резко — отчитала ребёнка.

— Я не знаю, — наконец сказал Ратибор. Голос был ровным. Слишком ровным. — Я должен был чувствовать облегчение. Мы сделали то, что должны были. Варнава остановлен. Правда известна. Но я чувствую только... пустоту.

— Это нормально.

— Нормально? — Ратибор повернулся. В его глазах было что-то, чего Ратмир не видел раньше. Не страх. Не злость. Что-то глубже. — Я десять лет не разговаривал с отцом. Десять лет. А потом он умер. И я даже не успел сказать ему... — Он замолчал. Слотнул. — Не успел сказать, что люблю его.

Шелест каркнул. Тихо. Так тихо, что Ратмир едва слышал.

— Он знал, — сказал Ратмир.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он написал это в дневнике. «Передай ему, если сможешь». Помнишь?

Ратибор закрыл глаза. Медленно. Как будто это причиняло боль.

— Помню, — сказал он.

Они стояли молча. За окном кричал петух. Скрипела телега. Кто-то смеялся — звонко, по-детски.

— Знаешь, что я думаю? — сказал Ратмир.

— Что?

— Я думаю, что отец не хотел бы, чтобы мы сидели здесь и жалели себя. Он хотел бы, чтобы мы действовали. Как всегда.

Ратибор открыл глаза. Посмотрел на брата. И — впервые за долгое время — улыбнулся. Устало. Но по-настоящему.

— Ты прав, — сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.